

**КИМ ИР СЕН
КИМ ЧЕН ИР**

ЧУЧХЕ

**МОЯ СТРАНА -
МОЯ КРЕПОСТЬ**

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2025

УДК 94(519.3)
ББК 63.3(5Кoo)
К40

Ким Ир Сен.

К40 Чучхе. Моя страна — моя крепость : перевод с корейского / Ким Ир Сен, Ким Чен Ир. — Москва : Родина, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-00222-795-2

Ким Ир Сен — основатель северокорейского государства (КНДР) и его руководитель в 1948—1994 годах; после смерти объявлен «вечным президентом» Северной Кореи. Ким Чен Ир, сын Ким Ир Сена, руководил КНДР с 1994 по 2011 год, продолжая дело отца. Политика и идеология обоих вождей КНДР были основаны на понятии «чучхе» — идее, в которой марксизм соединился с конфуцианством и традиционной корейской религией. По сей день чучхе является основой жизни Северной Кореи, оказывая определенное влияние и на другие государства Дальнего Востока.

В книге Ким Ир Сена и Ким Чен Ира собраны их наиболее значительные произведения о чучхе, показывающие, каким образом государство может развиваться практически независимо от внешнего мира, опираясь исключительно на свои традиции и обычаи.

УДК 94(519.3)
ББК 63.3(5Кoo)

© Ким Ир Сен, правообладатели, 2025
© Перевод с корейского, 2025
© ООО «Издательство Родина», 2025

ISBN 978-5-00222-795-2

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-----------------------	---

Ким Ир Сен

ЧУЧХЕ — ОПЛОТ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Чучхе как национальная идея	13
Чучхе в культуре	20
Чучхе и интеллигенция	27
Мировоззрение в духе чучхе	32
Хозяйственные отношения и чучхе	56
Идеи чучхе в нашей политике	80
История КНДР — это история чучхе	100
Борьба за чучхе и будущее Азии	125
Народная армия на защите чучхе	131

Ким Чен Ир

ОБ ИДЕЯХ ЧУЧХЕ

Создание идей чучхе	140
Философский принцип идей чучхе	147
Идеи чучхе об историческом развитии	153
Руководящие принципы идей чучхе	175
Историческое значение идей чучхе	213

Предисловие

Друзья и враги КНДР обычно описывают эту страну как коммунистическое государство. Однако эта характеристика давно и безнадежно устарела. Дело не только в том, что в Северной Корее без особого шума идет приватизация, но и в том, что КНДР официально не считает себя государством, основанным на принципах марксизма-ленинизма, хоть и подчеркивает верность социализму (впрочем, так поступают многие, включая Китай, который, однако, настаивает на марксистско-ленинской сути своего «социализма с китайской спецификой»). Например, на одном из съездов Трудовой партии Кореи (ТПК) ее идеологическая задача была определена так: «С высоко поднятым знаменем кимирсенизма-кимчениризма до конца свершить дело социализма, революционное дело чучхе».

Конечно, когда в 1948 году была формально провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика, никакой неопределенности по поводу ее идеологической ориентации не существовало и ни о каком кимирсенизме речи не шло. ТПК в своей программе прямо указывала, что исповедует марксизм-ленинизм. Эта ситуация отражала и политическую реальность: КНДР была создана при активной поддержке СССР и во многом им контролировалась.

Однако Ким Ир Сен, полевой командир корейских партизан в Маньчжурии, ставший в 1942-м офицером Красной

армии, не был доволен таким положением вещей. И сам он, и его окружение были не только (а возможно — и не столько) коммунистами, сколько националистами. В юности эти люди уходили в партизаны, рисковали жизнью и шли на немалые жертвы не столько ради абстрактных идеалов всеобщей справедливости, сколько во имя мечты о Новой Корее — сильном, процветающем и свободном от иностранного диктата государстве. Ким Ир Сену, как и миллионам молодых корейских, китайских и вьетнамских националистов, в 1930-е казалось, что построить такое государство будет проще по коммунистическим рецептам. Однако их мотивация оставалась во многом националистической, им нужно было не абстрактное «счастье для всех, и немедленно», а куда более конкретное счастье — для своей страны и ее народа.

Именно эта мотивация и делала столь непростыми отношения между Ким Ир Сенем и Советским Союзом. Многие коммунисты в правящих партиях Восточной Европы были поначалу искренне готовы жертвовать национальными интересами своих стран, уступая Москве и считая, что это необходимо ради достижения главной цели — мировой революции. А Ким Ир Сен (как, впрочем, и большинство его соратников) относился к СССР куда более прагматично и с самого начала вел свою игру — стараясь, однако, этого не афишировать.

Ситуация изменилась в середине 1950-х, когда в СССР начались реформы Хрущева, которые Ким Ир Сен воспринял весьма негативно. В сложившихся обстоятельствах руководство КНДР сочло за благо дистанцироваться от Москвы — тем более что та активно требовала от Ким Ира Сена свертывания культа личности, снижения темпов коллективизации и реформ, направленных на повышение уровня жизни корейцев (за счет развития тяжелой промышленности).

В ответ Ким Ир Сен начал в массовом порядке снимать с должностей, а иногда и сажать в тюрьмы советских корейцев, которых в сороковые годы в большом количестве направили «исполнять интернациональный долг» в КНДР (их было немало в высших эшелонах власти — в тот период выходцы из СССР корейского происхождения составляли до четверти состава северокорейского ЦК). При этом советское посольство быстро обнаружило, что не может ничего с этим поделать: на все упреки и просьбы Ким Ир Сен кивал, соглашался, заверял, что все будет исправлено, но продолжал поступать по-своему. Этому способствовали и поддержка, которой он и его политика пользовались в северокорейском государственном аппарате, и резкое ухудшение отношений СССР и КНР. Будучи блестящим дипломатом, Ким Ир Сен виртуозно использовал советско-китайский конфликт в своих интересах, мастерски играя на противоречиях и амбициях как Москвы, так и Пекина.

* * *

Разрыв (точнее, полуразрыв — до открытого конфликта дело все-таки не дошло) с СССР требовал идеологического обоснования, и оно было предоставлено «идеями чучхе».

Впервые термин «чучхе» был использован в речи, произнесенной Ким Ир Сенем в декабре 1955-го, на самом раннем этапе кампании по устранению советского влияния. В своем выступлении он говорил, что необходимо подчеркивать национальные традиции, вывешивать картины корейских, а не советских художников, изучать корейских поэтов, а не Пушкина и Маяковского, и описал все это выражением «установление чучхе».

Термин этот вообще-то был хорошо известен корейским националистам, которые пользовались им еще с двадцатых годов. На русский язык слово «чучхе» переводят как

«субъект» или «субъектность», но более точным было бы переводить его как «самобытность» или даже «самость».

Кстати сказать, сотрудники советского посольства, внимательно следившие за ситуацией, сообщили, что термин в широкий оборот решил пустить не сам Ким Ир Сен, а его советник по идеологии Ким Чхан-ман, который, как было сказано по этому поводу в посольском отчете, «очень этим гордится». Впрочем, изобретатель официальной идеологии кончил плохо: в середине шестидесятых он бесследно исчез с политической арены, а его имя было запрещено к упоминанию в официальных текстах.

Термин «чучхе» был превращен в идеологию — точнее, в некое ее подобие — в середине 1960-х. Для такого поворота идеологической политики сформировались тогда все основания. Отношения СССР и Китая были крайне напряженными, дело доходило до военных столкновений. И Москва, и Пекин старались перетянуть Северную Корею на свою сторону. Участвовать в конфликте Ким Ир Сен не собирался, и в этой ситуации ему было необходимо обзавестись идеологией, которая могла бы обосновать его претензии на нейтралитет, причем нейтралитет с оттенком, так сказать, собственного теоретического превосходства. Поэтому в середине 1960-х северокорейские идеологи, среди которых решающую роль сыграл Хван Чан-ён, выпускник философского факультета МГУ и главный идеолог страны, превратили чучхе в относительно проработанную идеологию.

Объективно говоря, особой проработанности не получилось. По большому счету, все «идеи чучхе» сводятся лишь к нескольким предложениям, которые беспрерывно и в разных комбинациях повторяются в северокорейских идеологических текстах. Большая часть из них — это просто банальности: «человек — мера всех вещей», «народные массы являются хозяевами истории» и т.п. Впрочем,

никакой глубины от «идей чучхе» изначально и не требовалось — было важно само их провозглашение (как сигнал идеологической независимости КНДР).

В начале 1970-х северокорейское руководство, в котором к тому времени большую роль играл Ким Чен Ир, старший сын и наследник Ким Ир Сена, предприняло попытку порвать с марксистско-ленинским идеологическим наследием. На первых порах «идеи чучхе» подавались как местный вариант марксизма, или, если цитировать Конституцию КНДР 1972 года, «творческое приложение марксизма-ленинизма к корейской действительности». Но в начале 1970-х северокорейские идеологи, включая и самого Ким Чен Ира, уже заявляли, что «идеи чучхе» — не просто вариант марксизма, а новая и универсальная прогрессивная теория. Подразумевалось, что сам марксизм был такой теорией во времена капитализма, ленинизм стал играть эту роль в эпоху империализма, а в условиях распада колониальной системы и появления новых независимых государств эта роль автоматически переходила к «идеям чучхе», которые именно тогда стали называть «кимирсенизмом». Ким Чен Ир тогда подчеркивал, что между «идеями чучхе» и марксизмом существует принципиальная разница.

Впрочем, эта линия не получила своего развития и в конце 1970-х была свернута, так что в более поздние периоды отношения между «идеями чучхе» и марксизмом-ленинизмом остались не совсем проясненными. Скорее всего, подобный откат был связан с тем, что радикальные заявления могли негативно повлиять на отношения Пхеньяна с другими социалистическими странами, которые в то время все (по крайней мере, на словах) являлись марксистско-ленинскими идеократиями. Тем не менее с конца 1960-х количество упоминаний о марксизме-ленинизме в северокорейской официальной печати неуклонно сокра-

щалось. Большинство работ Маркса и Ленина в КНДР убрали в спецхран, оставив для широкого пользования ограниченный набор соответствующим образом отредактированных текстов бывших «основоположников».

Все большую роль в северокорейской идеологии стал играть корейский традиционный этнический национализм, восходящий к началу XX века. Следуя указаниям сверху, северокорейские историки стали изо всех сил доказывать, что все корейское является самым древним и самым замечательным.

В наиболее яркой форме эта тенденция проявилась в начале 1990-х, когда северокорейские археологи «открыли» гробницу Тангуна. По корейской средневековой легенде, Тангун — сын небожителя и медведицы — был основателем первого корейского государства Древний Чосон и жил около пяти тысяч лет назад. Археологи объявили, что найденная ими могила, более или менее подходящая по датировке, есть не что иное, как место упокоения самого Тангуна, что, по их логике, доказывало справедливость заявлений о «пятитысячелетней истории корейского государства». Важно было и то, что могилу эту «открыли» в Пхеньяне, подтвердив таким образом пропагандистские лозунги о том, что именно нынешняя северокорейская столица, а вовсе не Сеул, — исконный центр всего корейского.

Параллельно с этим северокорейские ученые заявили об открытии Тэдонганской культуры (археологам других стран она не известна). По их утверждениям, она была одной из величайших культур ранней древности и по степени своего развития была равна Древнему Египту и Месопотамии. Теперь северокорейским школьникам объясняют, что их страна является одной из пяти колыбелей человеческой цивилизации (другими колыбелями считаются Египет, Месопотамия, Древняя Индия и Древний Китай).

* * *

После распада социалистического лагеря североко-рейские идеологи столкнулись с новыми проблемами. В сложившейся ситуации они стремились максимально отмежеваться от официального советского марксизма-ленинизма, который доставил им столько проблем. Впрочем, к полному разрыву с марксистской традицией они были не готовы по двум прагматическим соображениям. Во-первых, такой разрыв мог внести смятение в народные умы, а идеологическая преемственность является, как хорошо понимают в Пхеньяне, одним из условий политической стабильности. Во-вторых, подобный разрыв мог бы повредить отношениям КНДР с ее немногочисленными сторонниками за рубежом.

Тем не менее перемены все-таки произошли. Статья 3 Конституции, которая определяла «идеи чучхе» в качестве государственной идеологии, была отредактирована: теперь в ней нет упоминаний о связи чучхе с марксизмом-ленинизмом. Весной 2009 года в ходе очередных изменений из Конституции КНДР удалили все упоминания о коммунизме: в статье 59, где раньше речь шла о «формировании нового коммунистического человека», теперь говорится о «формировании нового чучхейского человека».

Наконец, в апреле 2012-го произошло неизбежное: с площади Ким Ир Сена убрали портреты Маркса и Ленина, которые украшали ее почти полвека. Иностранным гостям объявили, что портреты эти отправлены в музей, но не объяснили, в какой именно...

*Андрей Ланьков,
профессор университета Кукмин (Сеул), lenta.ru*

Ким Ир Сен

ЧУЧХЕ — ОПЛОТ НАШЕЙ ЖИЗНИ

ЧУЧХЕ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

*(из речи перед работниками партийной пропаганды
и агитации 28 декабря 1955 года)*

...К сожалению, наша пропаганда во многом страдает догматизмом и формализмом. Наиболее серьезный недостаток идеологической работы заключается в том, что она не вникла в суть вопроса и в ней отсутствует чучхе. Может быть, будет преувеличением сказать, что отсутствует чучхе, но чучхе последовательно не установлено, — это факт. Это серьезный вопрос. Мы непременно должны до конца искоренить этот недостаток. Не решив этого вопроса, трудно надеяться на хороший успех идеологической работы.

Что такое чучхе в идеологической работе нашей партии? Что мы делаем? Мы делаем революцию не какой-либо другой страны, а именно корейскую революцию. Эта корейская революция и есть чучхе в идеологической работе нашей партии. Вот почему всю идеологическую работу следует подчинять интересам корейской революции. Мы изучаем историю КПСС, историю китайской революции и общие положения марксизма-ленинизма, для того чтобы правильно осуществлять нашу революцию.

Конечно, отсутствие чучхе в идеологической работе нашей партии не означает, что мы не вели революции, что за нас делал революцию кто-то другой. Однако ввиду отсутствия четкого чучхе в идеологической работе допускаются ошибки догматизма и формализма, что наносит большой вред делу нашей революции.

Для корейской революции надо знать историю и географию Кореи, обычаи корейского народа. Только при этом можно будет воспитывать наш народ в соответствии с особенностями его характера, в духе горячей любви к родному краю и родине.

Важно прежде всего изучать историю нашей страны, историю борьбы нашего народа и широко пропагандировать ее среди трудящихся.

Эти вопросы мы ставим сегодня не впервые. Еще осенью 1945 года, вскоре после освобождения, мы подчеркивали необходимость изучать историю борьбы нашей нации, наследовать ее лучшие традиции. Только воспитывая людей на истории борьбы нашего народа и на ее традициях, можно будет поднять их национальную гордость, вдохновлять широкие массы на революционную борьбу.

Однако значительная часть наших работников не знает истории нашей страны, потому и не стремится извлечь из нее лучшие традиции, унаследовать и развивать их. Если не положить конец этому, то оно приведет в конечном счете к отрицанию истории Кореи.

И в школах есть тенденция пренебрежения преподаванием истории Кореи. Во время войны в учебном плане Центральной партийной школы на всемирную историю отводилось 160 часов в год, а на историю Кореи — совсем мало. Если так обстоят дела в партийной школе, откуда нашим работникам знать историю своей страны?

В нашей агитационно-пропагандистской работе встречаются сплошь и рядом такие примеры, когда восхваляют все чужое и пренебрегают своим собственным.

Как-то я посетил дом отдыха Народной армии, и там я увидел картину, изображающую сибирскую степь. Этот пейзаж, должно быть, нравится русским. Но корейцам больше нравится прекрасная природа нашей страны. У нас в стране есть такие живописные горы, есть чистые прозрачные

реки и синие волнующиеся моря, тучные золотые нивы, и если мы хотим, чтобы бойцы Народной армии любили свой родной край и свою родину, нужно показывать им больше картин с такими пейзажами нашей страны.

Этим летом мне пришлось побывать в комнате демократической пропаганды на периферии, там были диаграммы о пятилетнем плане Советского Союза, но не было ни одной о трехлетнем плане нашей страны. Были также выставлены в крупном плане фотографии заводов других стран, но ни одного снимка заводов, которые мы восстанавливаем и строим. Что и говорить об изучении истории нашей страны, когда даже не вывешивают диаграммы и фотоснимки, отражающие наше экономическое строительство!

Посетил начальную школу и вижу: висят портреты Маяковского, Пушкина — одни только иностранцы, корейца ни одного. Такое воспитание разве вызовет национальную гордость у детей?

Приведу смешной пример: в брошюрах по примеру других в конце помещают оглавление. Безусловно, мы должны учиться хорошему опыту в строительстве социализма, но нужно ли оглавление в брошюрах выводить на конец, как это делают в других странах? Это не в корейской манере. В наших книгах оглавление должно стоять обязательно в начале!

При составлении учебников материалы берут не из наших литературных произведений, а из чужой литературы. Все это результат отсутствия чучхе.

* * *

Вернувшись из поездки в Советский Союз, товарищ Пак Ен Вин говорил: раз Советский Союз идет по пути ослабления международной напряженности, то и нам следует снять лозунги против американского империализма.

Подобные утверждения не имеют ничего общего с революционной инициативой и направлены на притупление революционной бдительности нашего народа. Разве американские империалисты — не наши навеки проклятые враги, которые сжигали нашу родную землю, убивали массами ни в чем не повинных наших людей, а сейчас продолжают оккупировать южную часть нашей родины?

Было бы глупо думать, что борьба нашего народа против американских империалистов противоречит усилиям советского народа, направленным на ослабление международной напряженности. Наш народ осуждает и борется против агрессивной политики американских империалистов в отношении Кореи, и это не только не противоречит борьбе народов мира за ослабление международной напряженности, в защиту мира, но и служит вкладом в эту борьбу. С другой стороны, борьба советского народа и других миролюбивых народов мира за разрядку напряженности создает более благоприятные условия в антиимпериалистической борьбе нашего народа.

Некоторые товарищи из отдела пропаганды партии во всем старались механически следовать примеру Советского Союза, что связано также с тем, что они не желали изучать нашу действительность, что у них не было настоящего марксистско-ленинского стремления воспитать людей на лучшем, что мы имеем, — на традициях нашей революции. Многие товарищи, вместо того чтобы переварить и сделать своим марксизм-ленинизм, проглатывают его целиком. Само собой разумеется, что тут нет места проявлению революционной инициативы.

Необходимо прилагать все силы, чтобы найти национальное наследие, унаследовать и развивать его. Мы должны активно брать передовое в международном масштабе, и надо перенимать передовую культуру, одновременно развивая и все хорошее, что у нас имеется. В противном

случае наши люди лишатся веры в собственные силы и станут вялыми, стремящимися лишь подражать другим.

Во время войны Хо Га И, Ким Чжэ Ук и Пак Ир У беспроблемно спорили о методах политической работы в армии. Приехавшие из Советского Союза хотели вести эту работу по-советски, а приехавшие из Китая — по-китайски. Спорили, чей метод лучше: советский или китайский. Пустое это занятие.

Какая разница, ешь ли ты правой рукой или левой, ложкой или палочками? Как бы ты ни ел, ты не можешь пронести мимо рта. Стоило ли во время войны спорить о «методах»? Любой метод политической работы должен быть нацелен на укрепление Народной армии и на победу в сражениях. А Хо Га И и Пак Ир У спорили вокруг этого. Это лишь ослабляло дисциплину внутри партии, больше ничего. В то время ЦК партии указал, что следует учиться хорошему как у Советского Союза, так и у Китая и выработать тем самым такой метод политической работы, который отвечал бы действительности нашей страны. В работе важно усвоить революционную истину — истину марксизма-ленинизма — и применить ее сообразно с действительностью нашей страны. Не может быть такого принципа, который диктовал бы делать непременно по-советски. Хотя и некоторые предлагают либо советский, либо китайский метод, не пора ли, однако, нам создать свой собственный метод?

Не нужно механически копировать формы и методы Советского Союза, а важно изучать его опыт борьбы и истины марксизма-ленинизма. Вот почему мы должны по-прежнему неустанно учиться у Советского Союза, но главный упор нужно делать при этом на изучение сущности его опыта, а не увлекаться формой.

Учась у Советского Союза, значительно сохранилась тенденция подражать только форме. Так, например, когда

«Правда» дает заголовок «День нашей Родины», наша газета «Нодон синмун» тоже пишет «День нашей Родины». Где же необходимость подражать даже и в этом? То же самое следует сказать об одежде. У наших корейских женщин есть прекрасная корейская одежда, так зачем же надо отказываться от нее и облачаться в одежду, которая не идет им? В этом нет надобности. Я делился с товарищем Пак Ден Ай мыслью о том, чтобы наши женщины, по возможности, носили корейскую одежду.

Подражать только чужой форме, не усвоив истин марксизма-ленинизма, не только бесполезно, но и очень вредно.

Как в революционной борьбе, так и в деле строительства необходимо твердо отстаивать принципы марксизма-ленинизма, применять их творчески, соответственно конкретным условиям нашей страны и нашим национальным особенностям.

Мы допустим догматические ошибки, причиним большой ущерб революционному делу, если будем механически применять чужой опыт, игнорируя историю нашей страны, традиции нашего народа, не учитывая нашей действительности и уровня сознательности нашего народа. Это не означает преданности марксизму-ленинизму и преданности интернационализму, наоборот, противоречит этому.

Марксизм-ленинизм — не догма, а руководство к действию, творческое учение. Поэтому марксизм-ленинизм проявляет свою непобедимую мощь лишь в творческом применении в соответствии с конкретными условиями каждой страны. То же самое нужно сказать об опыте братских партий. Опыт братских партий приобретает свою ценность лишь тогда, когда мы изучаем его, усваиваем его сущность и правильно применяем его к нашей действительности, и наоборот, если мы возьмем его целиком и тем самым провалим дело, то в итоге не только причиним вред нашей работе, но и умалим ценный опыт братских партий.

* * *

В связи с проблемой установления чужде считаю необходимым остановиться на интернационализме и патриотизме.

Интернационализм и патриотизм не отделимы друг от друга. Любовь корейских коммунистов к своей стране не только не противоречит интернационализму рабочего класса, но и полностью соответствует ему, это нужно понять. Любить Корею — значит любить Советский Союз и социалистический лагерь, а любить Советский Союз и социалистический лагерь — значит любить Корею. Здесь полное единство. Ибо великое дело рабочего класса не знает границ, и дело нашей революции является составной частью дела международной революции мирового рабочего класса. Единая наивысшая цель рабочего класса всех стран — строительство коммунистического общества. Если и есть разница, то она в сроках: одни страны придут раньше, другие — позже.

Было бы неправильно говорить только о патриотизме и пренебрегать интернациональной сплоченностью. Во имя победы корейской революции, во имя великого дела международного рабочего класса мы должны крепить сплоченность с советским народом, который освободил нас и помогает нам, крепить сплоченность с народами всех социалистических стран. Это наш священный интернациональный долг. И советский народ во имя коммунистического строительства в своей стране и победы мировой революции прилагает все усилия, чтобы укреплять сплоченность с рабочим классом всего мира, не говоря уже о странах социалистического лагеря.

Так, патриотизм и интернационализм не отделимы друг от друга. Кто не любит свою родину, тот не может быть предан интернационализму, и кто не предан интернацио-

нализму, тот не может быть верен своей родине и своему народу. Истинный патриот — это интернационалист, а настоящий интернационалист — это патриот.

И если мы в своей идеологической работе отказываемся от всего хорошего, что есть в нашей стране, и заучим наизусть только чужое, этим непременно нанесем ущерб нашей революции и таким образом не сможем как следует выполнить свой интернациональный долг в деле международной революции.

В своем докладе на II съезде партии я цитировал заявление командующего советскими войсками, опубликованное в первый день пребывания их на нашей родине: «Граждане Кореи! ...Счастье в ваших руках... Корейский народ должен сам стать творцом своего счастья». Эти слова командующего советскими войсками абсолютно правильны, иначе мы потеряли бы широкие массы.

ЧУХЕ В КУЛЬТУРЕ

(из выступления перед работниками в области литературы и искусства 7 ноября 1964 года)

...В настоящее время наша музыка в основном развивается в правильном, здоровом направлении. Если она будет продолжать идти таким путем, то, пожалуй, не будет никаких проблем. Но чтобы дальше развивать свою национальную музыку сообразно с сегодняшней действительностью, нам предстоит еще много потрудиться.

В нашей музыке должна быть заложена чисто корейская основа, она должна отвечать чувствам нашего народа.

Чисто европейскую музыку, чуждую чувствам корейцев, не любит наш народ.

Наша легкая музыка немало навеяна модными песнями, но люди ее любят, так как в ее основе лежит корейское.

Не случайно, что так аплодируют пению товарища Ким Чжон Дока. Хотя в его песнях звучат в некоторой степени модные мотивы, они богаты корейской мелодией, бодры и жизнерадостны.

В песнях, сложенных при японском империализме, тоже немало модных напевов. Это, безусловно, плохо, когда напев модной песни отображает упадочное настроение. Однако и из модных песен можно и впредь петь свободные от декадентства, легковатые песни, унаследовавшие формы корейской народной песни. Ведь было немало модных мотивов среди песен, которые пел наш народ в течение почти полувека под ненавистным колониальным господством японского империализма, сетуя о тогдашнем прогнившем обществе. Песня, которую охотно поют здравомыслящие массы, — это всегда хорошая песня. Необходимо развивать такую песню, которая унаследовала форму народной песни и которую любят массы, хотя в ней и имеется несколько модный напев.

В национальной музыке хорошо было бы развивать главным образом народную песню. Нужно сочинять нашу народную песню в соответствии с эмоциями молодежи сегодняшнего дня. Надо сочинять много таких песен. Народная песня получается лучше, когда поют не соло, а хором.

И национальная опера должна базироваться на народной песне. Мне очень нравится «Из-за заречного села слышится новая песня» на мотивы народных песен западных провинций. Хорошо было бы развивать национальную музыку, взяв за образец народную песню.

Что касается пхансори*, то это слишком старинный жанр, поэтому не интересен. Теперешняя молодежь не любит этих песен. Молодежь выключает радиоприемники,

* Пхансори — жанр народной корейской музыки, который часто называют «корейской оперой». Обычно в представлении участвуют двое: певец и барабанщик. — *Прим. ред.*

как только начинают передавать пхансори. Пхансори не может волновать людей и призывать их к борьбе. Совершенно невообразимо, чтобы пхансори побудило армию ринуться на поле сражения. Само собой разумеется, что песни, которые распевали дворяне в старое время за рюмкой водки, не отвечают эмоциям нашей молодежи, строящей социализм.

Конечно, я против того, чтобы совсем не исполняли пхансори. Не так уж плохо знать, что когда-то в старину был и такой жанр пения. Поэтому целесообразно оставить исполнителей пхансори примерно одного из ста. Сохранить пхансори надо, но нет нужды поощрять этот жанр.

Ошибочно утверждение некоторых товарищей о том, что нужно сделать традиционные напевы южных провинций основой национальной музыки. Напевы южных провинций звучат напевами давних времен, да к тому же при их исполнении издаются сильные звуки, неприятные для слуха. Это полностью противоречит естественной постановке голоса. Вообще, голоса у корейцев красивые, и так бывает неприятно слушать, когда красивая девушка издает сильные звуки. Неверно считать, что сильный голос соответствует нашим национальным мелодиям, как это утверждают некоторые. Это неестественно и нарочито. Молодежь нашего времени не поет сильным голосом, да и не любит этого.

Нет надобности спорить, твердя то о традиционной постановке голоса, то о современном стиле. Будет достаточно, если песню исполнить естественно и красиво в соответствии с национальными мелодиями и чувствами. Надо избрать такую постановку голоса, которая позволяет получить естественность, мягкость и красочность тембра. Необходимо решительно устранить сильные звуки в постановке голоса.